

НАУКА И РЕЛИГИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ

Жукоцкая Зинаида Романовна,

БИП – Институт правоведения (г. Могилев, Беларусь)

Наука совершенно не компетентна решать вопросы, связанные с религией, ее область принципиально иная, чем область религии. Не наука нападает на религию, а плохая философия.

Н. А. Бердяев

Камнем преткновения для русской философии начала XX века стала проблема соотношения науки и веры, гармонизации их отношения друг к другу и связанных с этим перспектив социального развития. В своей программной работе «Пробле-

ма и задача социально-научного познания», впервые напечатанной в журнале «Вопросы философии и психологии» (Кн. 112, М., 1912), Б. А. Кистяковский обращает особое внимание на разработку философской методологии социального познания. Сделать это без решительной критики «поповствующего» идеализма Бердяева не представлялось возможным.

Кистяковский считал, что недопустимо рассматривать и рекомендовать веру как единственный своего рода исход из неудовлетворительного состояния науки, из ее кризиса. Это две различные области духовной жизни человека, которые могут сосуществовать рядом, но которые не должны вмешиваться в дела друг друга. Ни одна из них не может служить критерием для оценки другой. Иначе, если мы с точки зрения одной будем судить о другой, то получим неправильные и даже нелепые выводы. На совершенно неверные выводы, по мнению Кистяковского, наткнулся Н. А. Бердяев. Ограниченному и относительному научному знанию, познающему лишь «большое», «бессмысленно-логическое» бытие, Н. А. Бердяев противопоставляет веру. По его словам, «знание – принудительно, вера – свободна»; «знание носит характер насильственный и безопасный, вера – свободный и опасный» [1, с. 37, 45]. Он характеризует веру не только как нечто несоизмеримое с научным знанием, но и как нечто прямо противоположное всему разумному, осмысленному, логическому.

Б. Кистяковский вступает в решительную полемику с признанным мэтром философии и настаивает на том, что оценивать научное знание, сравнивая его с религиозной верой, бессмысленно. Общеобязательность научной истины нельзя характеризовать как принудительность, противопоставляя ее свободному восприятию веры. В интеллектуальном акте, приводящем к познанию истины, есть также свобода выбора; всякому позволено ошибаться или цепляться за старые предрассудки; с другой стороны, открытие новой научной истины требует смелого полета мысли и большой силы умственного прозрения. Только уже установленные научные истины должны восприниматься всяким нормальным сознанием как нечто данное. Еще менее вера может быть поставлена как образец полного и совершенного знания перед ограниченностью научного познания, перед его обусловленностью категориями общего и частного, необходимого и случайного, должного и не должного и др. Кто может сомневаться в том, что предмет веры заключает в себя больше тайн, чем предмет науки? Тайна есть по преимуществу удел веры. Поэтому, во всяком случае, не путем сопоставления с верой, может быть выяснена ограниченность научного знания и свойственная ему обусловленность. Эта сторона научного знания поддается правильному освещению только при сопоставлении научного знания с гносеологическим идеалом божественного знания.

Только идеальный образ божественного сознания охватывает сразу все, а не мыслит, оперируя с частями, только он проникает в самую сущность вещей и не нуждается в категориях общего, необходимого, должного и др., только он постигает начало и конец всего, наконец, только он безусловно предметен, т.е. знание и бытие для него тождественны. Вера, конечно, не дает и не может дать такого знания [2, с. 14].

Характерно, что на фоне бердяевской «Философии свободы» (1911) Булгаковская «Философия хозяйства» (1912) выглядит, по мнению Б. Кистяковского, несравненно более рационалистически. Булгаков как будто даже совершает «решительный поворот в сторону признания автономии философии по отношению к религии, и таким образом он как бы возвращается к исходному пункту своего научного развития». [2, с. 14–15]. Правда, как мы теперь знаем, это был временный «поворот» и временное «возвращение» для Булгакова, избравшего в 1918 году путь священнослужительства. Но для Кистяковского это был важный симптом для обозначения действительной науки и веры, науки и религии, их принципиальной автономности по отношению друг к другу: «Только решительный, как методологический, так и гносеологический, плюра-

лизм может представить необходимые теоретические предпосылки для обоснования автономности каждого из проявлений человеческого духа; такой плюрализм, конечно, не исключает монизма в конечном синтезе» [2, с. 15]. Правда сам Кистьяковский не оговаривает, как именно ему видится этот монизм «конечного синтеза»: как торжество Науки или сошествие Царства Божия на землю. Он просто выводит этот вопрос за рамки научной методологии социального познания. Он поступает так, как поступает ученый, а не *философствующий богослов*.

Аналогичным образом решается и проблема соотношения *политики и религии*.

Для многих представителей русской философии *естественного права* вопрос о соотношении политики и христианской религии – один из главных. У Б. А. Кистьяковского, как истинного неокантианца, идея Бога, подчиненности социального порядка, государства и права религиозным ценностям скорее подразумевается, чем прямо высказывается. Идея должного, в конечном счете, ведет к необходимому существованию «Бога», хотя прямо об этом не говорится. Естественно-правовая теория, имеющая идеалистические основы, с неизбежностью предполагает трансцендентный источник жизни. Но истолковывать его можно по-разному.

Если обратится к такому автору, как П. И. Новгородцев, то в его сочинениях можно найти довольно много рассуждений о необходимой связи религии и социальной жизни. Например, у Новгородцева абсолютный социальный идеал предполагает его включенность в божественное мироздание, прямую связь с Богом. Поздний Новгородцев прямо апеллирует к православию как важнейшей основе возрождения России [3, с. 201].

В философско-правовых воззрениях Б.А. Кистьяковского идеи неокантианства и трактовка естественного права в духе ценностей либерализма, неотчуждаемых прав и свободы личности, правовой государственности и т.д. сочетались с религиозно-нравственным восприятием «правды социализма» в смысле необходимости справедливого решения социального вопроса и защиты неимущих на основе христианских представлений об осуществлении «солидарных интересов людей» [4, с. 192].

Таким образом, концептуальное построение Кистьяковского связано не с подчинением науки (политики, культуры) религии, или, напротив, подчинением религии науке (политике, культуре). Кистьяковский убежден в абсолютной автономности этих сфер человеческого духа, которые, хотя и взаимосвязаны, но не могут и не должны вступать в отношения господства и подчинения между собой.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Философия свободы. – М., 1911.
2. Кистьяковский, Б.А. Философия и социология права. – М., 1998.
3. Жуков, В. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века. – М., 2001.
4. Нерсесянц, В.С. Философия права. – М., 2000.